

ЭДУАРД ПОЛЯКОВ
ВАРВАРА СЕРЕБРО

ХОЗЯИКА МЕРТВОЙ ВОДЫ. ФЛАКОН 1

ОТ РАН ТЕЛЕСНЫХ И ДУШЕВНЫХ

Варвара Серебро
Эдуард Павлович Поляков
Хозяйка мертвой воды. Флакон
1. От ран душевных и телесных

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34116626
SelfPub;*

Аннотация

Явь – река, за которой начинается новый мир. Для студентки мединститута из города Оренбурга, Ольги, это именно так.

Ольга (Хельга) попадает в параллельный мир Каэн-ар-Эйтролл и начинает новую жизнь. Как говорит ее наставник ведун Пересмысл: перемещение – есть воля высших Сил. Сил, посчитавших что её место именно по эту сторону Яви. Девушка приносит с собой ценный рецепт исцеляющей Мертвой воды и творит чудеса. Таинственный Ивар, о судьбе и силе которого ходят легенды, пытается узнать рецепт. Зачем ему нужна Мертвая вода?

Содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1. На том берегу Яви	4
Глава 2. Наблюдатель	23
Глава 3. «Боевое» крещение	48
Глава 4. Первые капли	67
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Эдуард Поляков, Варвара Серебро Хозяйка мертвой воды. Флакон 1. От ран душевных и телесных

Глава 1. На том берегу Яви

Ольга вышла на крыльцо мединститута и закурила длинную дамскую сигарету. Ранняя осень, еще тепло и можно обойтись без куртки. В нос ударил запах выхлопных газов. В воздухе чувствовалась сырость.

Девушка зевнула и мысленно отругала своего парня Льва за то, что так долго едет из дома ее встречать. Сладкий сигаретный дым клубился сизыми облаками. На улицу выбежали еще несколько однокурсниц Ольги. Они устроились небольшой группой на другой половине крыльца и посматривали в ее сторону.

Ольга пользовалась особым вниманием. Одногоруппники незаслуженно считали её бластной. Она не простая студентка – падчерица депутата и бизнесмена Валерия Петровича Си-

дорова. Загадка состояла лишь в том, что статья она решила врачом общей практики.

Высокая дверь распахнулась, и на крыльцо вышел упитанный молодой человек с залысинами на лбу. Денис – один из друзей парня Ольги.

– Привет, – поздоровался он и растянул губы в улыбке, встал рядом с Ольгой, вынимая из пачки сигарету.

Денис частенько крутился от нее неподалеку. Сначала Ольга даже решила, что он присматривает за ней по просьбе Льва, а потом поняла – скорее Денис питает к ней некоторую слабость.

– Привет, – нехотя поздоровалась Ольга.

Ее розово-фиолетовые волосы до плеч растрепал и теребил ветер. Она выглядела ярче всех в институте.

Из-за серых туч вышло солнце, на глянцевом асфальте заискрились золотистые блики. От света заиграли всеми цветами радуги масляные пятна на лужах.

Машины Лео все не было. Ольга начинала нервничать. К тому же, Денис, который дымил сигаретой поблизости, раздражал ее. Ходил за ней, словно тень. Этого парня как раз «просунул» в институт отец, известный пластический хирург. Чтобы сын, так сказать, шел по его стопам.

– Может сходим куда-нибудь, посидим? – спросил он повседневным, бесцветным тоном.

Но Ольга заметила, как дрожат его пальцы с сигаретой.

– Извини, Ден, нам с тобой не по пути! – отрезала она его

намерения. – Вон, Ленку пригласи, она точно согласится.

Денис поморщился, глянув через плечо на высокую девушку с завязанными в конский хвост черными волосами, и хмыкнул.

Из-за двери выглянула Даша. Смешная, неказистая девушка. Над такими часто потешались называя “ботанками”. Внешний вид Дашки буквально кричал – она хорошая девочка, скромная, целомудренная. По ночам спит дома. Одна. Обязательно в ночной фланелевой рубашке в мелкий цветочек и в объятиях плюшевого мишки.

– Оль, ты что, на лекции спала? – начала она воспитательную беседу.

Ольга не любила этого.

– Устала, – ответила та, – не выспалась.

– Оль, ты что по ночам делаешь?

– Только сегодня утром из Вены с Лео вернулись. Спала урывками в самолете, – Сидорова сказала это негромко, чтобы ее не слышали остальные одногруппницы.

Подруга с завистью вздохнула.

К институтскому крыльцу, шелестя резиной по мокрому асфальту, подъехал породистый немецкий автомобиль. Оля сбежала по лестнице и крикнула хмурой Дашке:

– Меня не будет пару дней, скинь мне конспекты в ВК.

Подруга мотнула головой и теперь растерянно смотрела на то, как её бывшую одноклассницу встречает тот, кто являлся причиной ее бессонных ночей.

Из черной иномарки на низкопрофильной резине, вышел высокий видный парень атлетического телосложения, с темными, зачесанными назад волосами. Его хороший друг Денис, тот, что крутился всегда возле Ольги, часто шутил над Львом, что тот старается своим видом подражать итальянским мафиози и выглядит как герой Аль Пачино. Тот отвечал на подкол друга, что если он похож на Аль Пачино, то Денис смахивает на толстяка Денни ДеВито.

Девчонки заворожено пялились в сторону крутого транспортного средства и его не менее крутого обладателя.

– Привет, студентки, – крикнул парень прелестницам, толпившимся на крыльце с тонкими сигаретками в пальцах под строгой надписью: “Не курить” и улыбнулся как телезвезда.

Несколько прелестниц пытались строить парню глазки до тех пор, пока Ольга не толкнула Лео локтем. Еще бы, она не любила таких провокаций.

Чувствуя спиной завистливые взгляды, Сидорова улыбнулась своему парню, подошла ближе, поцеловала по-французски с языком, развернула спиной к девицам и прихватила за крепкий зад. Лео подпрыгнул от такого, только это было сделано не ради него, а ради того, чтобы указать завистницам их место.

– С чего бы это? – спросил парень.

– Дома поговорим, – прозвучал намек от Оли на приятное и далеко не скучное продолжение вечера.

Лео открыл девушке дверь машины, приглашая внутрь салона.

“Вот кобель!” – подумала Ольга, закинула сумочку на сиденье машины и села сама. Салон оказался обтянут новенькой светлой кожей молочного цвета и пах новизной.

Они выехали с университетского двора и направились в сторону выезда из города. Городские серые многоэтажки мелькали в окнах джипа, а между ними временами выглядывало унылое, медленно заходящее за горизонт солнце. Потом появились пейзажи промзоны и, наконец, зелено-красно-оранжевые лесные просторы, приносившие своим видом некоторое спокойствие.

Парочка направлялась в сторону загородного дома Красновых. Лев проживал вместе с семьей в двухэтажном коттедже.

Ольга достала из сумочки косметичку.

– Опять сумочка новая? – покосился Лео на дамский лакированный бежевый аксессуар.

При этом лицо парня сделалось надменным.

– И что?

– На херню деньги сливаешь. Херню с эпическим ценником. Салон машины стоит дешевле, чем твои тряпки! – парень говорил с некоторой иронией, поглядывая то на дорогу, то на красивую девушку.

Когда у него заканчивались аргументы, Лео, начинал разговор про траты. Как будто это он оплачивал счета с её кре-

дитки.

– За собой следи, экономист с красным дипломом. Вон ты, снова салон у тачки обновил – у каждого свои слабости, – Ольга подмигнула. – Будешь бузить, могу и без сладкого оставить. Понял?!

– Сладенькое найти – не вопрос, – хмыкнул парень и крутанул баранку.

Машина резко дернулась в сторону. Наманикюренные пальчики Ольги крепко сжали его “гордость”, между ног. Лео вздрогнул, замер, нервно посматривая на дорогу.

– Э-э-э, ты чего, озверела?! Э-ээ...

Ольга прищурилась и поджала губы. Краснова нужно было поставить на место.

– Я не потерплю даже намека на измену! Найдешь сладенькое на стороне – наше расставание будет самым меньшим из твоих зол! Понял? – девушка сжала цепкие пальчики чуть сильнее. – Понял?!

– По-ня-л, – покраснел и взвыл Лео. Нет, если бы его руки сейчас не были заняты рулем, он мог бы и ответить, но Ольга знала, когда и за что нужно хватать. – С-с-у-к-а!

– За то ты меня и любишь! – вполне серьезно сказала Ольга, стащив конфетку с приборной панели авто.

Девушка отпустила его “смысл жизни”, достала из сумочки блокнот в кожаной обложке, гелевую ручку и начала рисовать. Это странное увлечение помогало успокоить нервы и не заснуть. В теплом салоне авто после зябкой улицы де-

вушку начало накрывать объятиями Морфея.

Джип вывернул на трассу и направился за город к элитному поселку с многоэтажными коттеджами. Ольга все наблюдала за осенним, немного грустным пейзажем за окнами машины. Вдоль трассы стояли хвойные и лиственные деревья. Осень – время грусти и меланхолии. Правда – этой молодой паре ни то, ни другое, похоже, пока не угрожало.

– Останови машину! – попросила Ольга заметив у обочины старую знакомую.

– Что?! – не понял Лео.

– Прижмись к обочине.

Гелендваген завернул к краю дороги, Ольга взяла сумочку и выпрыгнула из машины. Там сидела на маленьком раскладном стульчике скрученная старушка: совсем старая, маленькая, возможно, еще пережившая вторую мировую войну и продающая самодельные мочалки.

– А я снова к вам, бабуль, – девушка улыбнулась, кивнув на гору пушистых разноцветных мочалок.

– Недорого внушка, те, что поменьше, по пятьдесят рублей, а вот эти, с узорами, по сто пятьдесят.

– Бабуль, по сто пятьдесят, вот этих вот плетеных сколько есть?

– Десяток где-то.

– Давайте все.

– Куда же ты их деваешь? Уже два раза как все мочалки у меня покупаешь, не уж то у тебя они так быстро заканчи-

ваются?

– Ваши мочалки хвалят, вот и приходится одаривать.

Божий одуванчик смутилась. Покосилась на дорогую машину и её хмурого хозяина.

– Ему тоже мочалка нужна, он у меня все просил в сауну купить, шею намылить получше, ему ваши мочалки сразу понравились.

Бабушка с гордостью сложила товар в потертый пакет с логотипом торговой сети и протянула Ольге. Та быстро отдала бабушке деньги, схватила разноцветный ворох банных изделий и запрыгнула в машину.

Бабуля пересчитала деньги.

– Милочка, внученька, да ты лишнее заплатила!

– Сдачи не надо, бабуль, мочалки и так дешёвые! – крикнула ей Ольга из окна машины.

– Зачем ты их покупаешь? – проворчал парень.

– По тому что могу, – уклончиво ответила девушка. – И вообще следи за дорогой, я тебе ещё не простила.

Лео отмахнулся, молча продолжил рулить.

Машина въехала через автоматические ворота на загородную дачу Красновых. То был внушительный двухэтажный домик с мансардой и множеством окон. Относительно скромный, если сравнивать с соседскими вилами бизнесменов.

Ольга выскочила из машины. Лео тоже лениво выгрузился из гелика и кинул ключи охраннику в черном костюме.

Барские замашки мальчика-мажора.

«Если бы я так сделала при матери, она бы мне губы в кровь расшибла. Да я бы и никогда так не сделала. Ничего, будем и его исправлять в лучшую сторону», – подумала де-вушка. Тогда она еще искренне верила в то, что человека можно исправить.

– Где батя и маман? – спросил тоном хозяина Лео у охранника, который годился ему в отцы.

– Уехали по делам, куда – не докладывались, – ответил тот спокойным тоном, словно не заметив надменности в словах Краснова-младшего.

Указывать сыну своего работодателя охранник не посмел бы, но и прогнуться под этого накаченного сопляка не соби-рался.

Таких людей Ольга всегда уважала. А у ее парня явно разбушевались гормоны, и он хотел показать кто в доме хозяин. Ольга смекнула об этом и решила переключить внимание Краснова-младшего на себя. Как говориться, лучший способ избежать истерики избалованного ребенка – отвлечь его от предмета каприза чем-то более интересным. И работал этот способ не только на малышах.

Ольга обхватила шею Лео, повернув его лицом к себе, и нежно прильнула всем телом.

– Лео, я хочу массаж! – она притворно закапризничала и улыбнулась, приподняв тонкую бровь.

Молодая парочка вошла в дом родителей парня и подня-

лась на второй этаж. Ольга сошлась со Львом всего месяц назад, но уже чувствовала себя в этом коттедже уверенно. Она называла парня Лео. Ей нравились смелые и сильные, как раз такие как он. Но иногда Лео вел себя как настоящий свин, и ей приходилось его укрощать.

На втором этаже располагалась спальня Краснова-младшего, состоящая из двух комнат.

Ольга распахнула широкие двухстворчатые двери спальни. Комната была великолепно обставлена. Огромная, даже не двух-, а четырехспальная кровать, с балдахином, как в фильмах про средневековье. На такой можно устраивать целые оргии. И бельё на постели Лео дорогое, мягкое, приятное на ощупь, с помпезной золоченой вышивкой в стиле восемнадцатого века. Ну и вкусы у этой семейки.

У изголовья кровати, на стене, располагался родовой герб Красновых-Гордеевых – воин с мечом и щитом. Уж очень мамаша Лео гордилась своей дворянской родословной и приходилась в родстве кому-то из рода Князей Гордеевых. Князья эти, как утверждала мать Лео, Марина Олеговна, были знамениты в свое, разумеется, время на политической арене страны, особенно во времена войны с Наполеоном. Вот только почему-то кроме неё никто о них не знал и не слышал. Муж у Марины – обычный рязанский мужик – Аркадий Семёнович Краснов; хваткий, крепкий: типичный простолюдин.

Был у Льва в комнате и здоровенного вида камин с вензе-

лями. В углу у камина стояли железные рыцарские доспехи, сделанные по заказу, точно такие же, какие носили тевтонские рыцари. Да, красиво жить не запретишь!

Ольга с легкостью сбросила туфли, пробежалась по прохладному дубовому паркету, упала на мягкую кровать и глубоко вздохнула. Парень вошел в комнату следом и прикрыл за собой двери. Взгляды любовников встретились.

– Кто сегодня сверху? – игриво усмехнулась девушка и сбросила кофточку.

Парень запер двери на защелку, снял и швырнул кожаную куртку прямо на пол.

– Я!

Ольга краем глаза заметила, как потемнел просвет в замочной скважине. Похоже вернулись Красновы и её потенциальная свекровь Марина Олеговна решила лицезреть «клубничку» в реале. Ну что же пусть смотрит, как надо отыграть мужчину, чтобы он налево не то чтобы ходить, даже смотреть не мог.

Пусть завидует! Ольга догадывалась, что отец Лео давно не делил постель со своей женой, предпочитая этому совещания в саунах. В семье Красновых это общеизвестный факт. Только все делают вид, что не догадываются...

Часом позже.

...Любовники расслабленно лежали на кровати. Девушка,

наконец, освободила парня от шелковых пут. Вычурное постельное бельё смялось и местами сползло на дорогой паркет. Давно у них не было такого жаркого секса.

– Мне понравилось, – сообщил Лео, глядя на Ольгу, и протянул руку к пачке сигарет на тумбочке. Впрочем, не забыв ущипнуть девчонку за сосок.

Вечер опустился на землю незаметно. Стало смеркаться, за окнами мерцали желтоватые фонари.

– Давай посидим, устроим пикничок на природе, – предложил парень, застегнув штаны, медленно и зевая, вышел на лоджию. Вид у него был неопрятный. – Я жду тебя на свежем воздухе, Кися.

Ольга накинула халатик с сакурой, вышла из спальни и спустилась вниз по лестнице, завернув направо, как раз к кухне.

Там она застала Марину Олеговну, потенциальную свекровь: женщину лет сорока восьми с чересчур крашенными бровями и острым, как морда ее таксы, лицом, которая выкладывала в фарфоровую белоснежную тарелку соленые грибы из банки.

В углу у окна светил абажур, обтянутый тканью цвета морской волны. Такая вот цветовая гамма придавала некоторую холодность кухне, оформленной в белые тона, и зеленоватость лицу хозяйки. Да, сейчас мать Лео напоминала злую колдунью Гингему из страны Оз.

Марина пребывала в подозрительно хорошем расположе-

нии духа и даже приветливо улыбалась Ольге. Хотя с девушкой у нее с самого начала знакомство не заладилось. Ольгу она терпела лишь для того, чтобы угодить своему властному супругу, который как раз-таки видел в сближении с семьей депутата Валерия Сидорова некую выгоду для себя.

– Добрый вечер, Олечка, я не помешала вам, надеюсь. Вы так тихо себя вели, что я даже боялась все ли у вас в порядке.

– Все замечательно, могли бы нас и не навещать.

Ольга не упустила момент словесно уколоть маму Лео. Те времена, когда она старалась понравиться этой престарелой нимфоманке, остались далеко позади, что можно считать их неправдой.

– Вот, решила угостить тебя своими соленьями. Лео говорил, что ты очень любишь солененькое, – женщина немного желчно улыбнулась и продолжила сервировать тарелку соленьями. Изображать самую любезность она умела. Да вся жизнь этой женщины казалась одним сплошным притворством.

– А вы – сладенькое! – Ольга подмигнула и протянула Марине Олеговне желтую камеру.

Конечно, Марина знала, что это за коробочка, но сделала удивленное лицо.

– Не поняла?.. – возмутилась потенциальная свекровь.

– Ну что же непонятного? – улыбнулась Ольга. – Я записала все, что вы так любите смотреть. И не надо портить глаза и гнуть у двери спину! – нахально подмигнула девушка Лео и прикусила губу.

Сидорова взяла из холодильника запотевшую бутылку водки и стопки из шкафчика над кухонным столом. Не побрезговала она и угощением Марины Олеговны. Грибы Ольга любила еще с тех самых пор, когда она не была падчерицей богатого бизнесмена. А вот Лео грибы терпеть не мог. Это хорошо, Ольга всё равно не собиралась делиться!

Девушка поднялась на второй этаж, по коридору вышла к лоджии и открыла дверь ногой.

Лео курил сигарету, развалившись в кресле и закутавшись в теплый плед. Фонарь под потолком блекло освещал его лицо и придавал коже некий восковой блеск. Лоджия у Красновых была достаточно просторной. На ней стояли два кресла и круглый столик.

Ольга поставила свою «добычу» на столик, присела рядом и укуталась вместе с Лео в плед. Придвинув тарелку с грибами ближе, стала лакомиться соленьями.

Сейчас Ольга чувствовала себя счастливой. У неё было все, о чем другие могли только мечтать всю жизнь. Вот только мама Алена не одобряла ее выбор, говорила, что Лео слишком уж простоват и туповат для нее. Что деньги не главное, а главное – человек и прочие какие-то глупости, ее не касающиеся. Любят эти мамочки поучать.

Воздух на улице уже наполнился осенней прохладой, приятно пахло свежестью перед дождем. Ольга взяла Льва за руку и прислонилась к его плечу.

Лео лениво потянулся, громко зевнул и разлил водку по

стопкам.

– О чем задумался, Лео? – Ольга чмокнула парня гладко-выбритую щеку.

– Зима скоро. Нужны новые колеса на тачку, – почесав затылок, сказал Краснов-младший. Волосы у него на голове взъерошились и легли неопрятно.

Да милый и романтичный разговор! Как можно испортить такой момент?

– Колеса. А чем старые плохи? Гнутые? – заявила Ольга и принялась с большим рвением вылавливая вилкой грибы, прожевывая их с аппетитом...

Правда вкус у этих грибочков был весьма странный. Да и сами грибы бледные с синим отливом. Интересно, что это за опята такие?

– За тачкой тоже уход нужен, – настоял парень, залпом выпил стопку водки и нахально выпустил облачко сигаретного дыма девушке в лицо. Она недовольно посмотрела на него.

– За мной тоже уход нужен. Мне иногда кажется, что тачка тебе дороже меня. – Она обиженно отвернулась от него. А если она обижалась, это грозило парню очередным воздержанием... и весьма долгим.

– Да ладно, чего ты дуешься? Тачка для меня то же самое, что для тебя твои платъишки.

– Вот и трахай свой гелик в выхлопную!

Ольга резко поставила остатки грибов на стол. Обида

вскипала внутри, а ещё и подташнивать стало. Слишком уж подозрительные грибы у Марины Олеговны, и слишком много Ольга их успела проглотить. От волнения или на нервной почве девушка всегда набрасывалась на еду и ела все, что попадалось под руку.

– Сегодня спишь один! – сказала Ольга, встала из кресла и направилась в комнату Лео.

Парень несильно расстроился, в его комнате кроме кровати стоял довольно мягкий диван.

Ольга сделала несколько шагов по коридору, привалилась к стене и поняла, что у неё вдруг закружилась голова и заломило в висках. Да что же это? Она по стеночке добралась до комнаты и постели, обмякла, упала на неё и погрузилась в воду.

В воду?!

Стены комнаты исчезли, появилось необычно красивое звёздное небо. Звезды на нем были с фиолетовым мерцанием и проблесками белого. А еще, по нему проплывал синий кит. Огромный, с прозрачным пузырем, в котором метались мелкие рыбки. Гигант, открывая безразмерную пасть, заглатывал звезды.

Ольга приподнялась, пытаясь понять, где находится. Теперь девушка лежала на камнях, холодных и серых. Мир снова преобразился и изменил свои очертания и образы. Это точно грибы! Перед ней всюду стояли стеной скалы, голые и серые, а под ногами появилось озеро с настолько прозрач-

ной водой, что, погрузившись в него почти по колено, она видела дно, каждый камушек и маленьких серебристых рыбок. Таких смешных с большими выпученными серебристыми глазками.

Посередине озера, на небольшом каменистом островке, рос могучий дуб с невероятным множеством дупел. У Ольги появилось желание подойти ближе к дереву. Если кит показался ей жутким, то дерево, напротив, каким-то родным и даже немного уютным. Она пошла в сторону островка, ступая по водной глади, как по зеркалу, и не проваливалась.

Крону дерева густо покрывали зеленые резные листья и желуди, резвились маленькие лемуры с кожистыми крыльями. В какой-то момент величественному дереву надоела возня приматов и оно вздрогнуло, тряхнуло ветвями, сбрасывая с себя летающих зверей.

Когда дуб успокоился, а на воду опустились последние, слетевшие с ветвей, резные листья, девушка продолжила путь. Теперь из сотни до этого пустых дупел, на нее смотрели глаза. Дупла оказались глазницами дерева!

Древесное растение смотрело на девушку. Кора дуба треснула, в стволе появилась черная продольная брешь, похожая на рот с губами, из неё вырвалась ярко-желтая птица с черными крыльями и длинным клювом. Она сделала несколько кругов по воздуху и приземлилась у ног Ольги, на поверхность воды, превратившись в лысого седого старика.

У него были настолько кустистые брови, что они едва не

опускались ему в глаза. Виски этого пришельца покрывали ромбические татуировки с непонятными символами. На запястьях рук побрякивало множество браслетов, с красными, зелеными и белыми бусинами. Дедуля уставился на девицу, глаза у него вдруг удивленно расширились.

Ольга посмотрела на своё отражение в воде озера и ахнула. Она все ещё была в эротическом костюме розовой кошечки и халате с сакурой.

– Где я? Как я сюда попала? – попыталась она заговорить с дедушкой.

– Ты мне скажи, – старик закурил длинную трубку. – Как ты попала по ту сторону Яви?

Ольга похлопала себя по щекам, силясь вырваться из морока, словно из дурного сна.

– Вернуться хочешь? – спросил старик, выпустив колечко зеленого дыма.

Ольга не отвечала, осознав теперь всю сюрреалистичность происходящего вокруг и старика в частности. Она лишь краем глаза посмотрела на деда и еще сильнее начала хлопать себя по щекам.

– Держи меня за руку, пошли.

Ольга подала руку старику, тот так крепко сжал её запястье, что она ойкнула и неожиданно начала перевоплощаться в такую же, как и он, желтую птицу. Ощущения оказались необычными, особенно когда сквозь кожу начали прорастать перья, а все кости захрустели, изменяя форму.

Шелковый халат с сакурой слетел с неё и приземлился на гладь воды, словно листок. Взмахнув крыльями, обе птицы влетели в отверстие в коре дуба, похожее на рот, из которого в это странное место проник бородатый старик.

Глава 2. Наблюдатель

Ольга долго не могла прийти в себя. Её сильно тошнило и, казалось, выворачивало наизнанку, иногда забывая вернуться обратно. Теперь девушка лежала совсем больная и слабая на твердой, деревянной кровати с матрасом, набитым сеном, оттого у нее ломило спину и плечи. Оказалась девушка в какой-то мрачной лачуге, пропитанной запахами трав, животного жира, лука и плесени. Под потолком были развешаны бусы из сушеных грибов, пучки высушенных трав и части животных.

Как она оказалась в этой лачуге – не помнила. А возможно, ее болезненный бред еще продолжался. Рядом с кроватью стоял светец¹ с небольшим корытцем, наполненным песком. Лучина, вставленная в развилку светца, тлела красным тусклым огоньком. Но даже этот приглушенный свет резал глаза, и в висках появлялась невыносимая ломота.

Тот самый бородатый старик, забравший её с озера у странного дуба, сидел почти все время рядом и силой вливал ей в рот теплое горькое питье, которое не задерживалось в желудке надолго, выплескиваясь обратно с горькой желчью вперемешку. Мерещилось всякое. Когда девушку начинало тошнить, дед аккуратно держал ей волосы над деревянной

---

¹ Светец – подставка под деревянную лучину.

бадьей и ждал, когда отвар выйдет из её нутра полностью.

– Не держи в себе! – приговаривал он. Голос у него был густым, но не громким.

Слабая девушка вспотела так, что колючее шерстяное одеяло, которым ее укутали, стало влажным от пота. Иногда сознание гасло. Ольга проваливалась в пустоту. Периодически окунаясь в галлюцинации, в виде детских воспоминаний, порой ей мерещился летающий кит с прозрачным пузом и плавающими в нем, словно в большом толстостенном аквариуме, рыбками.

Во сне Ольга переживала ощущение полета, но не такого, когда стремительно падаешь на землю и просыпаешься от страха, а легкого и парящего полета птицы. Когда воздух струится под руками и между пальцев, рассекаешь грудью ветер и чувствуешь запахи земли, от которых голова пьяняще кружится. Внизу только чарующая и захватывающая дух высота, а тело покрывают ярко-желтые птичьи перья.

Временами мерещилось лицо мамы, такой родной и грустной. Она кричала и звала её откуда-то издалека, просила вернуться, и обещала за все простить.

“Мамочка я вернусь, только поправлюсь, обязательно вернусь.”

Порой бред и сны прерывались. Ольга снова видела перед собой старика, который отпаивал её через силу то горьким питьём, от которого тошнило, то мясным бульоном, то водой, от холода которой ломило зубы.

Несколько раз болезная пыталась приподняться, или хотя бы оторвать голову от набитого ароматными травами мешка, положенного ей вместо подушки. Но тело не слушалось, а голова казалась слишком тяжелой.

В таком бреду девушка провела неизвестно сколько времени. Однажды она проснулась от сильной жажды. Её тело пропахло едким потом. Только сегодня она нашла в себе силы приподняться и сесть.

Приподнявшись с кровати, осмотрелась и поняла, что все еще находится в той же темной землянке с бревенчатыми стенами и низким, кое-как оструганным потолком. И это ей, похоже, не снится. Свет теперь шел не от лучины, а из окошка, застекленного каким-то полупрозрачным минералом. Под потолком висели травы, корешки, бусы из сушеных грибов и связки длинных веточек. По стенам располагались полки с самобытной посудой из некрашеной глины.

Девушка съежилась, приподняла край своего одеяла и ахнула, она была абсолютно голой. Её наготу прикрывало лишь это одеяло из колючего шерстяного сукна, которое еще и к тому же скверно пахло псиной. Кто-то её раздел? Неужели этот старый? От такой мысли девушку передернуло. Она захотела выбраться из землянки как можно скорее и понять, где она вообще находится.

Ольга осмотрелась еще раз, попыталась встать, но не смогла. Где она, что с ней? Почему никто не навещает, кроме этого старика или, кто он там еще...

Голова закружилась, и в висках снова заломило от боли. Ольга упала без сил на жесткую кровать и провалилась в тяжелый сон. Так девушка спала еще несколько дней кряду, изредка вырываясь из морока, не понимая где находится и засыпая снова. Старик перестал мучить её рвотным снадобьем и теперь поил только бульоном. Силы уверенно возвращались, стало появляться и желание уйти отсюда, но хозяин землянки не мучил ее, напротив, старался помочь.

Прошло еще неизвестно сколько времени, прежде чем девушка почувствовала себя лучше. Хотела встать и убежать отсюда, но входная дверь скрипнула на провисших петлях, и в землянку, с одной-единственной комнатой, зашел старичок-птица из видения. Ольга прикрыла глаза, изображая сон.

Хозяин землянки подошел ближе, слегка склонился над спящей девушкой и прислушался к её дыханию. В руках он держал тарелку.

– Хватает сил на то, чтобы притворяться. Значит на поправку идешь, – проговорил старикан, поставил на стол деревянную тарелку с густым луковым супом и положил краюху хлеба.

Ольга все ещё прикидывалась спящей и оттого не слышавшей его. Дедушка подошел и одним движением сдернул с неё одеяло, оставив девушку абсолютно голой. Ольга, не ожидая такого, вскочила с кровати и вырвала его обратно из рук старика.

– Ходишь значит уже, – усмехнулся старик.

Он отчего-то радовался резкой реакции девушки на сдернутое одеяло, – великовозрастный ценитель женской красоты. А теперь приземлился на лавку и потирал свои татуированные ромбиками виски, посмеивался на неё и изучал хитроватым взглядом.

– Ты кто такой, старый, где я? Меня искать будут! – забеспокоилась Ольга. Она старалась не показывать своего волнения.

– Ну хорошо, что ищут, – безразличным тоном проскрипел старик. – Вот только найдут ли. Ты сюда духами прислана, а значит здесь не просто так. Значит имеешь какое-то предназначение. Вот только какое?

Девушка вдруг обнаружила, что говорит со стариком на чужом языке. Так, этого еще не хватало! Кроме среднего знания английского и латыни, Ольга языков не знала. Значения слов были знакомыми, но звуки, из которых они состояли, другие, мягкие и мелодичные. Где она могла выучить другой язык? Как и когда?

Старик тоже разговаривал все время на другом языке. Притом язык этот напоминал чем-то славянский, с оттенками французской легкости.

– Меня зовут Пересмысл, – представился он девушке, которая одним глазом косилась на аппетитно пахнувший суп. – Я ведун народа Иволг, и ты в моём доме.

– На каком языке мы говорим? – спросила у старика Ольга, прислушиваясь к своим ощущениям от произносимых

слов. Надо же, она словно родилась в этом мире!

– На скив-речи, птичье наречие. Очень, надо сказать, чистое наречие, ты часом не из клестов будешь?

Ольга снова не верила своим ушам. Но факт оставался фактом, она понимала и говорила на ином языке. Девушка обмоталась одеялом и подпрыгнула, схватилась одной рукой за затылок. Ощупала голову, прикоснулась к шее: пульс был нормальный. Если бы она могла найти зеркало, то посмотрела бы заодно на свои зрачки. Возможно она очень сильно чем-то отравилась и все еще видит галлюцинации.

– Где я?

– В лесах Скив, в Липовом доле, на правом берегу Звенящей реки, – ответил ведун, пригладив длинную бороду.

Все это прозвучало странно. Её, наверное, ищут всем городом, а этот сумасшедший дед похитил ее и теперь... а чего он хочет-то?

– Что, эта землянка точно твой дом? – поморщилась Ольга и осмотрелась. – А где туалет?

– Что, прости? – искренне удивился ведун.

– Пописать куда сходить можно? – уточнила девушка.

Старик улыбнулся и показал под лавку.

– В ведро, и за домом есть отхожее место. Но ты за дом не ходи, слаба еще, провалишься в дыру отхожую, и лови тебя всей деревней.

– Дыру, отхожую, – снова съежилась Ольга. – Ты серьезно? Может и лопухом подтираться? – взбрыкнула она, но уже

сдержаннее. Такими “удобствами” она давненько не пользовалась. Только когда в деревне у бабушки летом гостила.

– А бумага туалетная есть? – уточнила девушка и съежилась, подсознательно понимая, что ответ ее не порадует.

– Чего? – не понял старик и почесал в затылке.

– В смысле, подтираться-то чем?

Когда до старикана дошел весь сокровенный смысл сказанного, он улыбнулся и тщательно пригладил бороду.

– Для этого вода есть, возьми вон там в углу на лавке кувшин с водою. А у отхожего места лопух растет.

“Хорошо в деревне летом...” – вспомнила Ольга строки из похабной песни и почувствовала, как слабеют ноги. Так, в последний раз она находилась в доме Лео. Водку не пила, но ела грибы. Грибы?!

– Слышь дед, а до Оренбурга отсюда далеко? – Ольга надеялась выбраться из этой землянки как можно быстрее и вернуться домой к нормальному туалету и ванной. Ох, она бы с удовольствием приняла бы сейчас ванну. И как персонаж из фильма “Бриллиантовая рука”, от чашечки кофе тоже не отказалась бы. Да и очень хотелось кушать. А лопухом подтираться – это слишком!

– Это на островах Дымер? Где этот Арен-бурх? Ты сейчас в землях скивов, в роду Иволг. Понимаешь? – растолковывал ей дед, почти что по слогам. – Дом этот мне по стезе ведуна достался, а сам я живу в избе рядом. Вот от тебя, голуба моя, вижу злая баба хотела избавиться, да и отравила

грибками.

Ольга закрыла глаза и еле удержалась, чтоб не завывать на всю землянку.

– Слышь деда?

– Пересмыслом меня зови.

– А где я?

– В землях Скив, в роду Иволг. Забыла, что ли, как летала?

После этих слов Ольга еще раз осмотрелась и охнула, взявшись за голову.

– Летала?! Чего, какие скивы, какие леса, какие оборотни? Что за наркомания? Мне, бля, билет в реальность. Ну нет, это уже совсем не смешно! – истерика накатывала от осознания того, что это словно дурной сон, только наяву.

Ольга вскочила с кровати и, придерживая одеяло, бросилась к окну. Но за мутноватыми стеклами из минералов совсем ничего не было видно.

– Поешь сначала, а я пойду, пока, чтоб тебя не смущать, – сказал старик, то ли сочувственно, то ли с издевкой, поторопился убраться из землянки.

Ольга, воспользовалась ведром, потом накинулась на принесенную дедом похлебку. Лютый голод только усилился от аромата остывшей, но все еще горячей еды. В луженой тарелке, в бульоне плавали овощи, разваренные бобы, жареный лук. Еще никогда в жизни не ела она с таким аппетитом.

Глотала пищу, почти не прожевывая, не чувствуя вкуса и одновременно удивляясь, до чего же вкусной была эта простая еда.

Проведя руками по бокам, девушка поняла, что за то время, пока находилась здесь, скинула, наверное, килограмм пять. Кстати, где она находилась до сих пор представления не имела.

Последнее, что четко помнила – это вечерние посиделки под пледом с Лео на лоджии дома его родителей, странный вкус грибов, очередную мелкую ссору, после которой Ольга ушла спать и... странный сон, страннее, чем приключения Алисы в Стране чудес. Теперь она здесь, в этом сарае, и какой-то старик срывает с нее одеяло, заставляя сверкать голый задницей. Жуть!

“Лео, где же ты, Лео, забери меня отсюда!”

В комнату заглянула рыжая девочка-подросток и с интересом осмотрелась в землянке, словно искала, что-то. Потом принюхалась, её конопатый носик несколько раз дернулся. Тряхнула плетеной корзиной, которую держала в руках. В корзине лежали какие-то тряпки. В живом взгляде подростка мелькнула задоринка, вперемежку с хитрецей.

– Привет, я Ариша, – веснушчатая девочка глядела на новую жительницу лачуги с любопытством.

Ольга поняла, что интерес девочки был вызван необычным розовым цветом её волос.

– Тебе чего? – пробубнила девушка набитым хлебом ртом.

Она пыталась не выронить ни единой крошки.

– Какое странное имя: “Тебечего”. Ты что, из Фашираз? – звонко засмеялась над ней дерзкая девочка. – Дядька Перемысл сказал взять тебя с собой, когда мы купаться соберемся. Выходи, мы тебя ждем.

Ольга поёжилась. Противный липкий пот и запах собственного немытого тела, после отступившего голода, стали раздражать ещё сильнее. Рядом на лавке она обнаружила простое льняное платье, видимо дед позаботился. Его даже сложно было назвать платьем, скорее это напоминало тряпичный чехол на тело, чем предмет женского туалета. По сравнению с тем, что носила на себе раньше Ольга – настоящее тряпье!

Обнаружился здесь же и розовый кошачий костюм, с ушками на ободке. Ольга не успела и слова сказать, как Ариша деловито сгребла её костюмчик в свою корзину с бельём и вышла за дверь. На улице стояли девушки, их одежда была украшена зеленой ромбической вышивкой по вороту. Они с любопытством разглядывали странную пришелицу, а пришелица, в свою очередь, рассматривала их.

Возраст девушек разнился от совсем маленьких, десятилетних, до её ровесниц. Никто из местных жительниц не носил коротких или окрашенных волос, только косы, длинной у кого до пояса, а у кого почти до самой земли.

– Пошли, “Тебе чего”, только тебя и ждем, – задорно сообщила Ариша, сморщив конопатый носик и поманив чужачку

пальчиком. Склонила голову набок жмурясь от солнца.

“Так, и куда же меня занесло, и кто эти старообрядцы дикие?” – всё ещё думала про себя Ольга.

– Ну чего ты встала? Пошли уже, – произнесла Ариша.

Стайка девушек, звонко смеясь, повела Ольгу к лесной реке, которая находилась за окружавшим поселение деревянным частоколом. По пути к купальне чужачка осматривалась по сторонам, не замечая, как часто открывает рот от изумления. Никогда прежде не видела Ольга таких странных, даже сказочных деревень. Всюду стояли чудноватые и необычные дома, окруженные невысокими плетнями и небольшими клумбами. Они словно выросли в корни могучих многовековых ив, кроны которых затеняли дворы и огороды.

Были здесь обычные, на вид рубленые избы, а посередине деревни возвышались деревянные столбы с вырезанными на них ликами, скорее всего божеств.

Постройки примыкали к берегу не очень широкой реки. Жители этой странной деревеньки выглядывали из дверей и окон, провожая удивленными взглядами появившуюся в их поселке девушку с необычными сиренево-розовыми волосами. Кто-то прятал малых детей, опасаясь, что пришелица может оказаться злой колдуньей. За частоколом стояли еще деревянные столбы, с изображенными на них лицами. Как пояснила Ариша, это памятные столбы, на которых вырезались лица умерших, и находились они здесь оберегая потомков от лиха и сглаза.

Купальщицы вышли за частокол, проследовали вдоль речушки, до места, благоустроенного для помывки и стирки. Девушки шли без опаски босиком по земле и траве с плетеными из ивового прута бельевыми корзинами в руках и обмахивали загорелые лица, спасаясь от укусов комаров, пучками свежей прохладной травы или полевых цветов. Несколько девушек обернулись в желтых птиц и с щебетом полетели к реке. Пришелица ковыляла неуверенно, не привыкла она без туфелек по земле босой бегать.

Ольгу снова терзали мысли, куда она могла попасть. Возможно все это ей мерещится. А может это сон? Такой долгий, затянувшийся сон, только слишком реалистичный. А если не сон? Если она просто сошла с ума и это очередной бред, фантазия её воспаленного от болезни мозга. А может её в самом деле в секту затащили? Ну типа, любители природы, которые живут по старинке, без благ цивилизации. Но вот только в птиц сектанты не оборачиваются.

– И давно вы здесь живете? – задала она Арише наводящий вопрос.

– Всегда здесь жили.

Ответ оказался весьма неоднозначным, учитывая, что Арише на вид не более тринадцати лет.

– А вообще, поселок давно здесь? – уточнила Ольга.

– Давно, несколько веков уже. Видела какие у нас дома есть под деревьями, их очень давно построили. Представляешь, сколько таким могучим деревьям расти надо.

– Представляю, – согласилась Ольга. Но все же надежда на то, что это все нереально теплилась. Ну не может такого быть, что она попала в какой-то другой мир.

Вспоминая уроки выживания в школе, Ольга стала искать взглядом электровышки, прислушиваться к звукам, не загудит ли среди птичьего щебета привычный её слуху звук мотора автомобиля или трактора. Но нет, ничего похожего. Все слишком дико и естественно – пение птиц, стук дятла и хохот девушек.

«Так, не паниковать! Главное не паниковать!»

Они пришли к месту купания. Рядом с широкими, заросшими камышами, мостками стояли лавки, вырубленные из крупных бревен и перекладыны для сушки белья. Погода была прекрасная, жаркая, солнечные блики искрились на водной глади. Теплый ветерок задувал волосы на лоб. Ольга зашла на мостки, наклонилась и умыла лицо прохладной водой.

Корзины с грязным бельем остались на берегу, а девушки ринулись в нагретую солнцем воду, брызгаясь и визжа. Ольга раньше купалась в реке, только очень давно с деревенской ребятней, когда ездила с мамой в гости в деревню к бабушке Зое в Оренбургскую область. До смерти бабули, они гостили у неё каждое лето.

Чужачка стояла в стороне и наблюдала за обнаженными оборотками. Не могла отойти от шока. Среди них были в основном иволги, но встречались и иные виды ипостасей. На-

пример была среди них одна скворчиха и даже медведица. Девчонки уже всю плескались в воде, и резвились, играя в некоторое подобие догонялок. Еще несколько, превратившись в птиц, взлетали над водной гладью, потом ныряли в воду, обернувшись обратно. Ни одна из них даже и не думала стесняться своей наготы. Так она и сидела на мостках, любясь как её новые знакомые радовались летнему теплу. Потом, замерзнув, девушки выбрались на берег и мостки обсыхать под теплым летним солнцем.

Когда Ольга находилась на лоджии Красновых, было немного прохладно, осеннее небо покрывали свинцовые тучи и холодный ветерок пробирал до костей. А тут тепло, лето, как будто июнь или июль. Климат теплый, мягкий, но и не жаркий.

Девушки подозрительно шушукались и посматривали на Олю. Активнее всех в разговоре участвовала конопатая Ариша. Затем, сельчанки с визгом накинудись на Ольгу, стянули с неё мешковатое платье и столкнули в воду.

Ольга чуть не захлебнулась. Поплыла, кашляя от того, что наглоталась воды.

– Полоскайся лучше, а то смердит-то от тебя как от зверя дикого, – приговаривала мелкая зараза с веснушками.

Когда Ольга выбралась на мостки и стала выжимать промокшие волосы, Ариша подошла к своей корзине с бельём, всучила ей её розовый костюмчик кошечки и кусочек самодельного мыла.

– На, постирай!

Давно Ольга сама не стирала свои вещи, да еще мылом. Она растерянно посмотрела на скользкий обмылок и поморщилась. Маленькая зараза лишь посмеялась на неё.

– Эх ты, смотри и учись, – упрекнула Ариша, взяла у неё розовый лифчик, намочила его и принялась намыливать, распластав на доске мостка.

Девчонки живо окружили хозяйку невиданной одежды.

– Что это?

– Какие ушки? А зачем они нужны?

– А это на шапочки похоже? – посмеялась одна из девушек на лифчик покрутила его и бросила на мостки.

Ольга подняла мокрый лифчик и приложила к голой груди.

– Это вот сюда нужно одевать. Тогда у тебя к тридцати не будет грудь по коленкам стучать, поняла? – промолвила Ольга, а девушки захихикали.

Пришлица показывала деревенским жительницам принципы ношения эротического кошачьего костюма. Разрешила по очереди примерять костюмчик. Получилось забавно и даже смешно. Особенно девушек заинтересовал лифчик. Надо же такое придумать, специальная одежда для груди. Правда все же девицы так и не понимали важность нижнего женского белья. У них тут таких «благ цивилизации» не наблюдалось.

Ольга примеряла костюм на себя. Удивительное было для

местных обитательниц зрелище. Розовые ушки на фоне розово-фиолетовых волос Ольги смотрелись лучше, чем на рыхлых и светлых волосах других девушек.

Чужестранка одела лифчик, похожий на маечку с вырезом в форме кошачьей головы в области декольте.

– Давай меняться, Хельга, – предложила Ариша. – Ты мне эту одежду, а я тебе два, нет три платья за неё отдам.

– Нет, – покосилась на неё чужестранка. Девчонке тринадцати лет он все равно не нужен, а ей он служил напоминанием.

Ариша обиженно посмотрела на неё.

– Возьми и шей такой же. Сама, – нашла выход Ольга.

Девушки, судя по вышивкам на мешковатых платьях, здесь мастеровитые, таких могут вещей сделать, если, конечно им идею правильную подкинуть. Ариша пощупала мягкую ткань костюма.

– У нас такой нет.

– Другую возьми. Выкройку я тебе дам снять. Хочешь?

– И мне.

– И мне...

Девушки сначала робко, а потом наперебой начали просить у Ольги чудо-костюм, чтобы снять с него выкройку.

Их живая беседа, смех, эхом разносились по речному долу, доставала до самых темных омутов, спокойную поверхность которых покрывали заросли белых кувшинок. Рядом с мостками в воду спускались густые зеленые кроны ив с вы-

тянутыми листочками.

В кроне деревьев, над водой, раздался хруст. Вместе с веткой в воду слетел чей-то силуэт и со всплеском погрузился в глубину темного омута. Желтые кувшинки отбросило разошедшимися волнами в разные стороны. Когда ряска снова затянула поверхность, из воды показалась, голова парня. Он громко закашлялся, выплевывая попавшую ему в рот тину и сбросил с головы несколько желтеньких водных цветков.

– А, чтоб тебя! – с уст его слетело ещё несколько очень резких ругательств.

Девушки завизжали и бросились врассыпную, прикрывая руками свои обнаженные тела, разыскивая одежду, срывая сушившиеся на перекладах простыни.

– Опять он! – закричала Ариша и бросилась одевать платье.

Парень, видимо, не первый раз подглядывал за юными девицами, но сейчас выбрал для любимого занятия не совсем удачное место.

Несколько купальщиц, убегая, споткнулись и упали, перемазавшись в песке и иле. Многочисленные листочки, травинки, палочки легко приставали к влажной коже, запутывались в мокрых волосах. В сторону парня полетели палки, камни. Зазвучала отборная ругань.

Одна только Ольга ничуть не испугалась. Она выпрямилась в полный рост и смотрела на плывущего в их сторону хулигана.

Когда парень почувствовал под ногами дно и показался из воды наполовину, он напомним ей кикимору из сказки: весь облепленный и обвешанный густо-зелёной тиной. Девчонки успели обкидать лицо парня грязью, и оно стало сероватого цвета. Вот только глаза у этого нахала оказались необычно желтыми. Никогда прежде Ольга не видела таких странных и одновременно красивых глаз.

Она стояла, не двигаясь, в своём кошачьем комплекте и в упор смотрела на парня. Девушка совсем не боялась, не с такими еще нахалами справлялась. Кровь вскипела у неё в жилах и захотелось проучить этого наглеца. Как следует проучить! Будет знать, как подсматривать!

Парень решил не выходить на берег, а обойти и выбраться в другом месте, возможно он надеялся, что его не узнают из-за большого количества “маскировки”. Правда не учел, что Ольга не собиралась так просто его отпускать. Абсолютно не стесняясь своего полуголого вида, она схватила палку, помчалась за ним следом и несколько раз со всего маха огрела по спине и бросилась преследовать вдоль берега реки.

– А ну стой, тварина! Стой, кому говорят! – орала она и угрожающе замахивалась палкой.

Перебраться на другой берег парнишка не мог, там был крутой песчаный обрыв. А на этом берегу его преследовала полуголая, злая девушка с розовыми кошачьими ушами и с большой палкой в руках.

Она кричала ругательства, которые парень никогда рань-

ше не слышал. Да и вообще она много чего говорила в его сторону непонятного. Он смог бы с ней справиться, отбросить в сторону, к примеру, и убежать. Но наглость, смелость этой девицы просто его обескуражили.

За спиной Ольги послышались крики мужиков из деревни скивов. Наверняка толпа полуголых и орущих девиц навела шороху в Липовом доле, и мужики сорвались в погоню за мерзавцем, желая изловить его и наказать по совести.

– А ну стой, поди сюда! – раздался грозный оклик одного из мужиков.

Вот тут-то парень и рванул по-настоящему, что у него было сил, вдоль берега, обернулся росوماхой, и, выскочив на берег. Косматая спина оборотня замелькала среди кустов и низкой лесной поросли. Из-под когтистых лап зверя полетели куски мха и травы с корнями. Раздалось по лесу гулом громкое рычание.

Сейчас Ольга его догонять не посмела. Она стояла ошарашенная таким вот превращением. Слышала она рассказы о росумахах от прадедушки охотника. Зверь этот хоть и не сильно велик размером, но характером грозен. Боятся его многие обитатели лесов. Может он справиться и прогнать прочь из своих владений, стаю волков, да и хозяин леса медведь побаивается этой большой куницы. А характер у зверя ой, какой сложный.

Но даже у этого зверя вряд ли получится сбежать от быстрых иволг. Мужики из поселка без колебаний помчались

вслед за грозным зверем и на ходу превращались в лесных птиц. Ворчание и пыхтение куницы смешалось со свистом нескольких иволг.

Ольга не видела погони, но слышала, как перекрикивались между собой птицы и как ломая бурелом, пыталась улизнуть бурая лесная зверюга.

Через полчаса из леса вышли пять мужиков. Один из них оказался плененным оборотнем-росомахой. Четверо его преследователей силком тащили парня к поселку, отвешивая пинки «для скорости» и подзатыльники для острастки. Теперь все они вели себя как обычные люди. Хотя и злобно ворчавшие.

Ольга надела платье и с несколькими девушками, отправилась следом за мужчинами в деревню. То, что парня изловят, сомнения ни у кого не возникало. А вот вопрос, что с ним дальше делать, встал остро.

Ольга теперь наблюдала и слушала, о чем говорили старожилы. От услышанного по её коже временами пробежал холодок. Да она, похоже, попала в деревню оборотней, которые превращались в желтых лесных птиц иволг. А этот парень родом из деревни оборотней-росомах. И хоть образы у этих людей были разными, и жили они в разных поселках, между ними была прочная связь, единые боги и законы.

Парня привели в деревню и привязали к позорному столбу на лобном месте, прямо напротив ликов пращуров. Чтобы те видели его позор вместе со всеми, и помогли свершиться

и истинному правосудию, и справедливости.

Вокруг собрался почти весь поселок. От малых сопливых деток, до скрюченных стариков. Всем хотелось глянуть на возмутителя покоя их дочерей. Пленник, похоже, свою вину осознал и теперь, понурив голову, смотрел на утопанную под столбом землю.

Пока оборотень-росомаха бегал по лесным зарослям, с него слетела вся тина, речная грязь и порвалась часть одежды. Рубаха превратилась в серо-зеленые лохмотья. С расщепленной губы на утопанную у столба землю капала кровь. Был он не малого роста, выше всех мужиков на целую голову, могуч и мускулист телом. Угрюмый взгляд говорил о том, что парень смелый и умел в нужную минуту взять себя в руки.

– Как твоё имя? – спросил у пленника, один из тех мужиков, что изловил его и приволок в деревню.

– Храбр, – ответил тот.

“Храбр,” – повторила про себя Ольга. Она вместе с Аришей, и другими девицами, детьми и стариками остались стоять на лобном месте, рядом с пленником и ожидая решения совета старейшин.

Вскоре, из деревни росомах, Зверинного полесья, для разбора спора, прибыла целая делегация со старейшиной Зораном во главе. Чувствовалось, что матушка-природа одарила Зорана недюжинным умом. Читалось это по его мудрому и пронизательному взгляду. Старик был немного сутулый,

поджарый. Его гладкий, блестящий лоб виднелся из-под седых прямых волос, длиною по плечи. То, что это был именно старейшина, Ольга поняла по деревянному резному посоху и длиной почти до самых пят рубахе, расшитой по краям и вороту зеленым растительным орнаментом.

Со старейшиной Зораном из Звериного полесья прибыли выручать провинившегося парня его отец, дядья и матушка. Отец Храбра, Татьмир, был коренастее своего сына и походил на степенный крепкоствольный дуб. Матушка Храбра Златоцвета, суховатая и живая женщина, с волнистыми морщинами на лбу, все время хваталась за голову и обращала беспокойный взор на мужа. Видно было, что её материнское сердце обливается кровью.

Староста Деян из деревни Липовый дол, в которой жил народ Иволг, а теперь и Ольга, встретил соседей на главной дороге. В отличие от старосты Росомах, Зорана, Деян был невелик ростом, пузатый, приземистый и краснощекий. Эдакий плешивый купчик с носом в форме картошки и в рубахе с набивным узором в мелкий черный горошек.

Таких вот деловых купчиков Ольга лицезрела на картинах Бориса Кустодиева в одном из провинциальных музеев Золотого кольца.

– Добре, Зоран Горыныч, давно мы с тобой не виделись, споры не решали, – поздоровался староста Звериного полесья, протянул правую руку для приветствия.

– Добре, Деян Добрыньевич, – приветливо ответил ему

плешивый староста Ивового Дола и пожал руку.

Для разбора спора и решения судьбы Храбра, главы семейств собрались в Сборной избе, отроков и детей выгнали на улицу, чтобы не мешали решать важный спор.

Соблюдая традиции, перед тем как рядить да судить, все собравшиеся в избе сделали из одной братины по глотку медового напитка и прочли очистительную молитву богам Яриле и Мокоши. Прибыл в избу и ведун Пересмысл, с травами для окуривания, чтобы призвать на судище души предков спорящих родов. Опросить свидетелей: духов, кикимор, да леших, что, по его мнению, видели все, что на реке происходило. После проведения церемоний и обрядов начали судить.

Деян Добрыньевич поднялся с лавки и первым взял слово:

– Парень ваш, что на реке устроил!

– Да ну будет вам. Дело то молодое! Глядишь и породнимся с вами этим летом, – сказал Татьмир.

Очевидно Татьмир решил отделаться, как говорится, малой кровью. Ему не хотелось ни платить за сына выкуп, ни оставлять его. Видимо он наивно полагал, что парню по молодости всё сойдёт с рук.

– Железом его заклеить, – предложил жестокое решение брат одной девушки.

– Правильно, – поддержала его какая-то визгливая баба с огромными грудями, – или глаз вон, чтоб думал впредь.

– Вы что – дикари что ли, как фаширазцы? – возмутился

староста Зоран. – Железом клеймить и калечить воров надо. Давайте по-хорошему договоримся. Наказание выберем такое, чтобы все довольны остались и никого при этом не калечить.

Народ скивов не имел привычки сравнивать, в качестве ругательства, друг друга с животными. Назвать недруга или плохого человека “животным”... да за такое можно и калечить стать.

– Подсматривал за девицами – дело молодое. Возьмем штраф ульями с его родителей и разойдемся, – предложил Деян и добавил. – Взыскать штраф в десять ульев, не меньше!

Деян пчелок уважал, любил и штрафы, конечно, взыскивал ульями. Пчелки – это всегда для деревни родной хорошо. Медовухи больше можно сделать на продажу, да и себя попотчевать.

Тут в Соборную избу отворилась дверь, в неё без стука влетел перепуганный парнишка по имени Сява. В шапчонке и коротких штанишках, закричал во всеуслышание, тыкая пальцем в ту сторону, где стоял позорный столб с нарушителем покоя местных девок.

– Там это... Храбра, девка дикая... та, что с такими волосами... ох она его... а он... а люди вокруг... – парнишка вытирал рукавом рот, перепачканный черничным соком, и бормотал что-то нечленораздельное и все время давился слюной.

Родственники парня перепугались, что их кровиночку сделают калекой до окончания судилища. Староста иволг, Деян, запереживал, что теперь не получит он ульев для Ивового дола. И только родня обиженных девок с рвением одобрила поступок буянки с чудными волосами.

Глава 3. «Боевое» крещение

Все, кто был в Сборной избе, выбежали на улицу, посмотреть, что происходит. Позорный столб окружила толпа односельчан, которые не участвовали в судилище. Слышались крики и смех. Староста Деян растолкал людей и пробрался на лобное место, увидел, что Храбр, как и прежде, был привязан к столбу, но не оставлял отчаянных попыток вырваться на свободу. Парень покраснел, как рак, и гневно сжимал зубы.

Перед ним стояла та, которую звали здесь Хельга, и с ехидной улыбкой, ласковым голосом говорила такие вещи, о которых стыдно даже думать, а не то, чтобы произносить на народном сходе.

– Чего ж ты там подглядывал? Или коротковат у тебя пока, чтоб девок до дома провожать? – девушка показала парню согнутый мизинчик.

Народ весело воспринял сравнение мужского достоинства с самым маленьким согнутым пальчиком. От такой обидной провокации, привязанный к столбу Храбр разодрал кожу в кровь об грубые, но крепкие веревки. Хорошо, что его привязали, а то не миновать и беды.

– Ну так, если коротковат, дак тебе любая девушка скажет: “Сиди дома, да отращивай!” Говорят, хрен тертый с расолом помогает при таком несчастье. Натирай да приклады-

вай! – продолжала издеваться Ольга.

Собравшийся народ снова принялся улюлюкать над парнем. А посрамленные его подглядыванием девушки краснели, но улыбались.

Розоволосая Хельга не унималась, оставляя на самолюбии парня все новые раны. Вряд ли такой эффект был бы от наказания сдирающей кожу плетью. Душевные раны гораздо больнее. Они не заживают годами, а иногда и до конца жизни. В минуты уединения эти раны дают о себе знать, заставляя вновь и вновь переживать унижение.

– А как отрастет, ты главное не трогай его лишний раз. А то, глядишь, и девки тебе уже не понравятся... – девушка вошла в раж. Она ходила вокруг столба, смеялась и все время показывала ему, дразня, согнутый мизинец.

Толпа затихла.

– Хватит, Хельга, еще слово, и ты встанешь на место Храбра! – послышался из толпы народа голос ведуна Перемысла. Старик своим видом источал ауру благоговейного ужаса. Девушка мгновенно прикусила язык под его нестерпимо тяжелым взглядом.

Хоть нарушительница покоя и замолчала, селяне, после недолгой паузы, продолжили улюлюкать над парнем.

Хельга виновато потупив взгляд опустила голову, чувствуя, что все-таки, как говориться, своими обидными изречениями «перегнула палку». Слепая ярость и жажда мести застилала ей глаза, и в этот момент не было видно той чер-

ты, которую переступать не стоило. Но она с легкостью её перешла.

Пересмысл, проигнорировав старосту и родителей парня, сложил руки на груди и вынес окончательный вердикт:

– Всыпать ему сто двадцать розг. По десять за каждую по-срамленную девушку.

Судя по тому, что перечить ему никто не стал, именно он являлся бесспорным авторитетом у всех жителей в деревне. Ивовый дол, в отличие от старосты Деяна, который такового только изображал.

– Дед Пересмысл, дак нас тринадцать было, это сто тридцать розг получается? – подметила веснушчатая Ариша, высчитывая количество ударов на пальцах.

– Хельга уже за себя воздала, даже с лихвой, так что, похорошему, и ей пяток розг на сдачу дать не было бы лишним.

Хельга испуганно уставилась на старика. Мужики из деревни Иволг отвязали Храбра от столба, приволокли козлы для распилки дров и распластали парня на них. Содрали с него остатки разорванной рубахи, закрепили веревками руки и ноги.

Матушка Храбра, Златоцвета, кусала при этом костяшки своих сухоньких пальцев, еле сдерживая крики. Ее супруг, Татьмир, смотрел на экзекуцию сына с каменным выражением лица, видимо понимал – заслужил парень.

Привести приговор ведуна в исполнение вызвался один лихой и крепкий мужчина. Рука у такого точно не дрогнет.

Специально для него несколько отроков нарежали пучки ивовых хлестких и гибких прутьев.

Мужик взялся за порку росомахи с пристрастием. Хлесткие прутья со свистом рассекали воздух, оставляя на спине Храбра красные полосы. Их вскоре стало столько, что на спине не осталось ни единого целого кусочка кожи. Парень сначала держался, потом начал превращаться в росомаху; рычал, скулил, как побитая собака, шипел и огрызался.

Златоцвета от такого зрелища лишилась чувств. Её подхватили братья и не дали рухнуть на землю. Татьмир сурово молчал, но взгляда не отвел. Остальной народ смотрел на расправу спокойно. Старухи показывали непослушным детям на наказание и стращали их. Некоторые мужики смотрели на парня с презрением. Хельга хотела отвернуться, ей стало жаль Храбра. Пересмысл не позволил.

– Смотри! – сказал ей ведун и силой развернул её лицом к месту наказания.

Когда наконец парню воздали по заслугам, отвязали от козел, родственники Храбра подхватили его и отвели в сторону. Ведун, он же и целитель, предложил промыть парню раны. На что получил резкий отказ от оскорбленных росомах. Впрочем, сказать что-то резкое Пересмыслу никто не осмелился.

Старейшина росомах задержался в Ивовом долу. Ему требовалось решить со старостой Деяном важные дела: сторговаться на счет цен, на мёд осенью.

Ольга вместе с Ведуном всё еще топтались у окровавленных козел. Какая-то баба отмывала козлы водой из ведра, которую таскал ей из реки пацанёнок Сява.

Ольга и Пересмысл понуро провожали жителей из деревни росомах взглядами.

Как-то не по-человечески поступила Ольга с парнем-оборотнем и теперь, осознав это, терзалась угрызениями совести. В её-то мире такие выходки иногда и мимо ушей пропускают, а здесь за такое могут отомстить или кровно обидеться. Она не сразу поняла это и теперь жалела о содеянном.

– Знаешь, дед, если этот вайерист мне отомстит, я, пожалуй, пойму, – сказала она старику-птице теребя подбородок.

– Повезло тебе, что ты девка, за такое тебя могли на поединок вызвать, – ответил Пересмысл. Он продолжал сердиться на неё, но все же понимал, что девушка могла не знать местных устоев и жизни.

Как полагалось, старосты двух деревень, стоявшие неподалеку, начали справляться о здоровье и благополучии родственников.

– Как ваши поживают, все ли живы и здоровы? – справился у Зорана Горыныча, Деян.

– Слава Семерым, все живы, вот только не все здоровы, – ответил староста Росомах.

– Чего так?

– Да тесть младший, Боровик, коликой мучается. Сильно

мучается.

Их разговор заинтересовал Пересмысла, стоявшего неподалеку. Он все же Ведун, а стало быть и целитель. Его кустистые брови слегка приподнялись.

– А где, у вашего тестя колика?

– В кишках, кажись. Все за бок правый держится, не похоже на колику, – Зоран показал на себе, где именно болело у его тестя.

Увидев эти жесты к ним подросла и Ольга или, как её все теперь называли, Хельга.

– А сильные боли в боку-то? – спросила она у Зорана и уставилась на него, жмурясь от солнца.

Староста от такой наглости поперхнулся.

– Я на врача училась. Разбираюсь немного.

– Что?

– Ну, на лекаря. Терапевта. Очень уж по описанию вашему все это похоже на абсцесс.

Пересмысл и Деян переглянулись.

– Ты, Хельга, объясни, что такое абсцесс, и что за такой терапевт, – попросил Пересмысл.

– Терапевт, это диагност... Не важно, одно, что лекарь и всё... Воспаление у вашего Боровика и, похоже, воспаление аппендикса, – почесала в затылке новая и странная жительница деревни Иволг.

– Апенди... что? – попытался повторить староста Зоран.

– В общем, воспаление рудиментарного отростка в ки-

печнике. Надеюсь не гнойный, – пыталась объяснить Ольга. Она взяла прутик и начала чертить на песке под ногами пищеварительную систему человека. – Вот это кишечник, это, как раз аппендикс, если он воспалился и его не удалить, то каюк вашему тестю любимому!

Три умудренных жизненным опытом человека вытаращив глаза смотрели на юницу, которой были известны тайны неведомые им ранее.

– Внутриутробный гнойник неизлечим. И если с человеком такое приключилось, дня три-четыре ему мучиться осталось. Как я вам сочувствую, уважаемый Зоран, – уголки губ Пересмысла опустились вниз.

Ольга мысленно усмехнулась на них:

– Его можно удалить и спасти вашего тестя. Вот если бы глянуть мне, – произнесла девушка и затерла рисунок на песке ступнёй.

– Ну что, Зоран Горыныч, позволъ-ка глянуть нам на больного. Хельга чужая, у них может и лечат такое, – как можно добрее попросил Пересмысл. Старик не был лишён любознательности и понаблюдать за терапевтом из другого мира ему не терпелось. А что до больного, дак ему уже ничего не поможет.

– Жалко мне что ли, гляньте, коль так хотите. Да только наш лекарь ничего сделать не может, а вот чем эта девушка поможет? – недоумевал Зоран, немного надменно посматривая на странную чудачку с необычным цветом волос.

– Помогу – чем смогу! – ответила за себя Ольга.

Решив все дела и завершив переговоры, Зоран Горыныч отправился домой в Звериное полесье, прихватив с собой двух лекарей из Ивового дола. Они пошли коротким путём, по тропе через сосновую рощу. Тропа была усыпана жухлыми иглами и шишками. Ольга иногда наступала на шишки босыми ступнями и ойкала. Зоран шустро шёл впереди. У старика на ногах были удобные тапки плетенные из лыка. Пятки Ведуна Пересмысла были грубее Ольгиных. Старикан привык без обуви ходить. А вот Ольга все время спотыкалась и ощущала, как её ступни кололи опавшие сосновые иглы.

– Если ты и взаправду училась на лекаря, то это похвально, целители они всегда нужны. Вот ведовству чуток подучиться, – тихо сказал ей Пересмысл. – Ох, и чудна ты, девка!

– Ага, только танцев с бубном мне и не хватает! – поморщилась Ольга и в очередной раз ойкнула и остановилась, чтобы отряхнуть пятки. – Не Ивовый дол, а Деревня дураков какая-то.

Пересмысл поджал губы и затряс бородой.

– Ты, девка, за языком-то следи, а то глядишь и вырвут его!

– Ладно дед, не бери в голову. Это я сгоряча...

– Чего там топчитесь? – окликнул староста Зоран, отошедший достаточно далеко. Голос его эхом разнесся среди красно-коричневых сосновых стволов. – Поторопитесь, мы

не гулять идем.

Ольга заметила в низенькой траве несколько кустов земляники с красными ягодами и помчалась их собирать. Мешковатое платье развевалось на ней, как парус. Жадным взглядом она искала любимое лакомство.

– Хельга, пошли, кому сказали. Тебя сам староста дожидается, – поторопил раздраженно Пересмысл. – Что за дурёха, там человек помирает, а она ягоды ищет.

– Подождет... – прошептала недовольно девушка под нос, но увидев, как густые брови у Пересмысла поползли вверх, ответила: – Иду, деда, иду!

Наконец они подоспели к деревне росомах, Звериному полесью. Деревня немногим отличалась от деревни Иволг. Такие же дома-землянки, только не под липами, а под бу-ро-красных витиеватыми соснами.

Памятные столбы на окраине с вырезанными на них лицами почивших предков. Частокола вокруг деревни не оказалось. Видимо, росомахи не боялись никаких набегов. Хотя по оценке Ольги, Звериное полесье было поменьше, чем Ивовый дол. Мужики у росомах все как на подбор оказались крупными и плечистыми. К тому же еще и молчаливыми. Все мужское население превращалось в росомах, а вот их жены, могли иметь и иную звериную или птичью ипостась. Как пояснил Пересмысл, образ предка передается только по мужской линии.

Дом Боровика отличался от остальных домов поселка наличниками с ажурной, как кружева, резьбой. Высокое крыльцо чисто выметено. На ступенях крыльца сидела бледная молодая женщина, обнимала двух детей почти одинакового возраста в длинных рубашонках. На лице у неё читалось отчаянье и страх. Похоже она пыталась смириться с мыслью о скорой смерти мужа.

Несколько мужчин подошли к избе и пялились на Ольгу. И пялились как-то недобро. Наверное, им рассказали в красках о её насмешке над Храбром. Но вот при старосте Зоране никто задираться не смел. Да и с ведуном связываться тоже не каждый смельчак посмеет. Хотя, наверняка им этого очень хотелось.

– Ты, Хельга, далеко от меня не отходи, – предупредил ведун девушку.

Спутники переступили порог дома и прошли в светлую горницу избы. Ольга подивилась, как все было устроено в ней уютно и просто. Лавки по стенам, устланные полотенцами с зелеными кружевами по краям. Беленая и расписанная разными травянистыми узорами печь. Больной лежал в отдельной комнате на деревянной кровати с резными каретками, укутанный по самый нос, и смотрел отчаянно в потолок. Глаза его были чуть прикрыты, он тяжело дышал.

– Здравствуй, сват, вот привел к тебе целителей, – сказал староста и мотнул в сторону Пересмысла и девушки.

Ольга тихо поздоровалась с больным, но он не ответил,

только чуть приоткрыл глаза, посмотрел на неё и снова закрыл их. Рядом с кроватью девушка заметила бадью.

– Так, тошнит? – спросила она больного Боровика.

– Да, все время тошнит – ответил за него Зоран. – И живот болит, точно режут его.

Ольга подошла к Боровику, откинула одеяло. У больного и пощупала живот. Тот вскрикнул и дернулся, пышная борода сползла набок.

– Точно, аппендицит, – заключила Ольга. – Придется вырезать.

– Ой, – вздохнул родственник. Больному же было все равно.

– Или готовьте еще дерево на новый тотем для усопшего! – заключила девушка и забрала розовые волосы в тугой хвостик на затылке и принялась ощупывать живот больного со всех сторон.

Пересмысл присел на край кровати и внимательно наблюдал за манипуляциями девушки. Зоран, стоя в стороне, поглаживал свою бороду.

Закончив осмотр, Ольга повернулась к Пересмыслу и быстро затараторила:

– Нужен нож, маленький, но самый острый и крепкое вино.

– Ну что же, Зоран доставай свою прошлогоднюю медовуху, – кивнул ведун старосте. Тот поджал губы, однако спорить не стал и, побледнев, вышел из горницы.

Но Ольга на этом не остановилась:

– А еще побольше чистых тряпок и горячей кипяченой воды.

– Не повитуха ли ты? Уж очень этот набор похож на тот, что нужен роженице!

Ольга не обратила внимание на замечание Зорана и направилась к столу в горнице и начала его двигать, скидывая с него посуду, приготовленную для обеда.

– Что ты творишь? – возмутился было Зоран, но Пересмысл остановил его жестом.

– Что тебе еще надо, Хельга? – уточнил ведун.

– Свечи, много свечей, нитки, иглу и помощника!

– Помощником я буду! – вызвался старик-ведун, который еще пару часов назад хотел приказать выпороть наглуую девицу.

Зоран позвал невестку Боровика Милану и потребовал у неё предоставить целителям все, что они попросят. Женщина побежала звать себе на помощь мужа и деверя.

Комнату убрали, приготовили стол, постелив на него чистую скатерть, принесли свечи и вскипяченную на летней дровяной печи во дворе дома горячую воду.

В горницу сбежались родственники Боровика: дочери, выданные замуж и живущие по соседству, внуки, братья, еще пара сыновей, старуха-жена, которая услышав, что её мужа собираются ножом зарезать, бросила стирку и примчалась в дом.

Ольга почувствовала, что смотрят они на неё сейчас, как на мясника, который пытается заколоть поросенка.

– Ты что, старый из ума выжил совсем, – запричитала жалостливо жена Боровика обращаясь к Пересмыслу. – Эта зараза с розовыми волосами мужа моего зарезать живьем задумала! Уж дайте умереть-то ему по-человечьи.

– Что ты, ерунду, сватья, городишь? При живом муже!!! – остановил её Зоран Горыныч, повысив голос и глянув свысока.

Ведун Пересмысл занервничал и обратился к Ольге с тем вопросом, которого она боялась:

– Знаешь ли точно, что делаешь, Хельга?

Ольга дернула плечами и ответила:

– А что будет, если я не вмешаюсь?

– Помрет.

– А так, может, и не помрет. Мук ему в любом случае не избежать. А теперь есть шанс выжить.

– Все слышали? – добавил к её словам Зоран Горыныч и хмуρο глянул.

Родня страдальца снова запричитала, но послушаться, хоть и родственника, но все же старосту не смела.

Ольга сурово глянула на народ и нагло вытолкала всех за порог. Последним из горницы вышел Зоран Горыныч.

– Сейчас бы музыку, – заворчала целительница с розовыми волосами на родственников Боровика, потом обратилась к тем, кто принес ей ткань и горячую воду. – Мне понадо-

бится кипяток каждые полчаса. И не халтурить – кипятить. Если будете просто греть – умрет, так и знайте!

– Слышали?! – окликнул родню Зоран Горыныч. – Я сам лично за этим прослежу.

Дверь закрылась перед носом обеспокоенной родни, что дало ей дополнительный повод поахать и поохать.

Ольга смекнула, что с таким рвением родственники не просто проследят за тем, что все будет сделано как нужно, но и воду теперь точно трижды прокипятят.

– Ничего, справимся, – повернулась Ольга лицом к нервно мявшему бороду Пересмыслу. Хотела бы и она сама быть такой уверенной. Но что она могла сказать им? Что знает операцию только по страницам учебника, а сама учится на третьем курсе? Тогда парня точно закопают, или сожрут. Ольга не знала, как принято у них тут.

Болезный вдруг зашевелился и застонал, увидев нож нитки и все приготовления:

– Ой не надо, за что же мне такие муки...

Ольга почесала в затылке и с пониманием посмотрела на Боровика.

– Дед, так он от болевого шока загнется, даже если привязать. И у меня рука дрогнет. Грибочки есть?

– Грибочки? – не понял старик.

– Ну, что ты ешь для допинга? Мухоморы? Поганки? Ложные опята?

Старик прозрел и кивнул. В один момент обернулся жел-

той птицей. Ольга отворила окно и выпустила его.

Она давно поняла причину того, почему попала сюда в этот мир. Её будущая свекровка, Марина Олеговна, не стала мириться с взбалмошной и своенравной девчонкой, поэтому, видимо, решила отравить ее грибами, зная слабость к простым деликатесам. А потом оправдаться, не знали, мол, что грибы ядовитые, купили такие, думали маслята. Вышло, что Ольга не умерла, а попала сюда. Или всё-таки умерла? Но она сейчас прекрасно осознавала себя, у неё было тело, такое же, как и раньше, и оно не изменилась. Только вот где сейчас она была, еще не до конца представляла.

«Где же ты, Лео, что сейчас без меня делаешь. Ищешь утешение в объятиях другой!»

– Ольга помотала головой, с силой избавляясь от таких крамольных мыслей.

Птица вернулась через десять минут с пучком сухих грибов в клюве и снова обернулась в старика.

– Держи, Хельга, желчный гриб – он для крепкого сна, суток на пятеро. Волоконница – для прохода в мир Теней и паутинник – без него не вернуться обратно.

– Лео с дружками за такую коллекцию допинга все отдал бы, – вслух подумала свои мысли Ольга.

– Нельзя грибы давать не ведунам! – запротестовал старик, но быстро смирился.

– А ты будешь резать живого, кричащего человека? – Ольга начала уже психовать.

Ее окончательно доконали все эти условности и закрытость к новшествам. В конце концов, мужик всё равно умрет, если не от отравления галлюциногенными грибами, то от ножа или инфекции занесенной в рану. Чем это лучше разорвавшегося внутри аппендицита? Все всё понимали и, все же, старались стукнуть ей по рукам. Неужели она единственная, кто хочет спасти этого человека, хоть и не знает его?

Еще раз ведун перечить не решился, лишь плюнул под ноги.

– Так, чистоту соблюдаем! – сделала замечание старику девушка, голосом прокурора на допросе.

Дедок чуть не подавился и прикрыл рот ладонью.

Ольга взяла глиняную плошку с полки за печкой, накрошила в неё сушеных грибов и залила медовухой. В другую плошку налила медовухи для обработки ножа и ниток с иголкой. Медовухи девушка потратила малую часть, оставив в сохранности добрые полбутыля.

– Все закончим – вместе разопьем! – подмигнула юная целительница, стараясь сбросить напряжение, которое, словно электрическое поле, витало в воздухе. Она старалась говорить увереннее, нервотрепки ей и самой хватит, нечего старика до инфаркта доводить.

Они помогли Боровику подняться с кровати и дойти до стола. Мужик не сильно упирался, но лицо у него было мертвецки-бледным и покрыто липким потом, словно маслом. Потом лекари положили его на столешницу, устланную чи-

стой тканью.

Мухоморы с медовухой мужик выпил залпом.

Вместо медицинских халатов целители переоделись в чистые исподние рубахи до пят. Притом, Ольга переоделась прямо тут же, непривычно не стесняясь присутствия старика.

– Слышал сказки про мертвую и живую воду? – спросила она у старика-птицы.

Пересмысл мотнул головой:

– Есть сказание, “Про хозяйку мертвой и живой воды”

– Дак вот, мертвая вода – исцеляет... убивает гниль, затягивает раны, создает эту стерильность...

Пересмысл, конечно, ничего не понял, но видимо сделал в голове какие-то странные заключения.

– Дак ты, стало быть, та самая хозяйка?!

– Хозяйка – хозяйка. Продезинфицировать надо. Вот, что я имею в виду.

– Что сделать?

– Протереть живот надо спирт.....медовухой, – опомнилась Ольга. – Дед, слышишь, помогай! Ты у меня за медсестру сейчас.

– За чью сестру?

– Короче, дед делай что говорю, – ворчала недовольно девушка и примерялась где будет делать разрез.

Пересмысл насупился, сдвинул брови.

– Ты, поаккуратней, я все же уважаемый человек, как-ни-

как...

– Давай, уважаемый, помогай! Если Боровик «отъедет», то уважать тебя будет на одного меньше! – скрипнула зубами целительница и, наконец, наметила место разреза. Вроде у трупов аппендикс был именно там. Заодно и проверим...

Пересмысл выполнил поручение со всей ответственностью. Надо сказать, оказался он не из брезгливых. Да уж, решил стать врачом – терпи кровь и дерьмо! Так, кажется, пытался отчим отговорить Олю поступать на медицинский...

Спустя два часа.

Ольга, ничуть не стесняясь старика, уселась по-турецки на пол рядом с импровизированном хирургическим столом, на котором сном младенца спал пациент. У больного на животе виднелся только что заштопанный красными шелковыми нитками разрез.

Между стариком в одной исподней рубаше и розововолодой девушкой стояла бутылка янтарной, слегка мутной медовухи и всего одна глиняная кружка, второй, увы, не нашлось, как и закуски. Поэтому они снимали напряжение «на сухую». И только сейчас Ольгу начало трясти от нервов. Она только что сама сделала операцию. Главное, не искалечила, не зарезала, а именно спасла человека. По крайней мере, он пока дышит.

У Боровика поднялась температура, но его лицо уже не

было покрыто тем липким нездоровым потом – это обнадеживало.

Снаружи дома слышался негромкий, но постоянный гомон. Видимо, несмотря на поздний час, в деревне вряд ли кто-то спал. Сейчас, наверное, половина местных жителей собралась возле дома и обсуждала, что происходит внутри избы. Только вот выходить на улицу не хотелось, было только одно желание – напиться и лечь рядом с пациентом. Сегодня Ольга пережила слишком много.

Глава 4. Первые капли

Ольге пришлось остаться жить в деревне Звериное поле-сье. За больным нужно присматривать и защищать его от родственничков, которые понятия не имели как за ним ухаживать и словно поставили для себя задачу – доконать больного. Староста Зоран выделил девушке отдельную избу. На высоком сухом месте, недалеко от своего дома, в тени гигантской сосны. Ольга начала постепенно обживать новое жилище. К ней в дом перенесли и Боровика, чтобы был под её присмотром.

Старый ведун Пересмысл не давал Ольге повода соскучится. Навещал свою ученицу и учительницу каждый день, ближе к полудню. Заодно приносил домашней еды, в которой, кстати, у неё надобности не было.

Слишком обеспокоенные комфортным житием Боровика в доме Хельги родственники, в упор не слышали её рекомендации: в первые дни после операции не кормить его ничем, кроме костного бульона и нежирного кипяченого молока. Несли в избу целительницы продукты. Притом пытались накормить страдальца самым вкусным, пирогами, сметаной, копченой рыбой. Один, даже половину жаренного поросенка принес. Вот и пришлось девушке отдуваться за него, пока все не испортилось.

Новый дом оказался слишком просторным, с нескольки-

ми горницами, сеновалом и двором для скотины. Правда был один недостаток – изба Боровика была по соседству, поэтому в окна целительницы часто заглядывали его дети, жена и сам староста – Зоран Горыныч.

“Недурно бы обзавестись занавесками!” – подумала Ольга, увидев в окне очередное любопытное лицо.

Деревня росамах Звериное полесье была больше Липового дола раза в полтора. Ольга наблюдала в окна, как мимо ее нового жилища то и дело проходила толпа народа в местных колоритных одеждах с зеленой вышивкой и кружевами по воротам рубах и платьев. Пробегали играющие в догонялки дети с соломенными волосами. Они часто носились возле памятных столбов с ликами предков. Женщины хлопотали по хозяйству, пропалывали огороды, посуду мыли прямо на улице.

Могучие вековые сосны с толстыми стволами и земляками среди корней стояли повсюду, в солнечный день тени от их вечнозеленых ветвей расплзлась по всей деревне. А под ногами и на тропях валялась масса сосновых иголок. Живительное и ласковое солнце заглядывало в обращенные на восток в окна дома целительницы только с утра. Потом в избе снова становилось сумрачно. Иногда даже приходилось пользоваться лучиной. А еще Ольге порой невыносимо хотелось закурить, но табака скивы не знали. Оно может и к лучшему, ведь девушка давно пыталась бросить эту привычку.

Боровик все время собирался отправиться к предкам,

притом по поводу и без такового. Если Ольга осматривала швы и случайно задевала рану, он охал и говорил, что ему, приходит конец. Спустя пару дней, больной и вовсе набаловался донельзя, и собирался на свидания к пращурам даже тогда, когда у него просто портилось от чего-то настроение.

Как говориться, старость не радость...

В Оренбурге, в том мире, где прежде жила Ольга, сорокалетний мужчина не считался пожилым.

Пришлось девушке полностью окунуться в ощущение жительницы давно минувших веков. Самой хаживать за водой к общему колодцу находившемуся в северной стороне деревни. Обитатели Звериного полесья косились на неё, а некоторые даже откровенно пялились, чуя в ней чужачку.

Однажды у колодца Ольга встретила странного парня, который сразу выделялся на фоне остальных мужиков-росомах своей щуплостью и нескладной фигурой. Руки и одежда у него были перемазаны светло-коричневой глиной. Это оказался местный гончар. Он сам носил воду в свою мастерскую, которая располагалась шагах в двадцати от того места, где обычно вся деревня пополняла запасы воды.

Первый раз они с Ольгой чуть не столкнулись на одной тропинке. Оба, видимо, витали в этот момент каждый в своих мыслях. На следующее утро повстречавшись у колодца поздоровались.

– Меня зовут Лан. Я гончар, – несмело представился парень. – А ты Хельга – целительница. Я о тебе много разговоров слышал. Удивительно, о таких способах лечения, как резать ножом, я читал у Мадьях, но вот чтобы их кто-то делал...

Ольга почему-то сразу прониклась к парню симпатией. Все местные мужики, обычно на неё посматривали либо с вожделением, либо с опаской, а этот скорее с точки зрения научного интереса. К тому же, странно встретить в этой глуши читающего человека, точнее оборотня.

– Приятно познакомиться, Лан, а у тебя книги есть по медицине? – поинтересовалась девушка.

– Есть, у меня много книг, – похвастался парень, буквально чуть не сияя от радости. – Я каждый год в Китеже на книги почти все заработанное спускаю.

От того, что знаменитая на всю деревню Хельга обратила на него внимание, парень сильно смутился и краснел.

– Заходи вечерком на чай, – пригласила Ольга.

– На чай? – удивился парень слову “чай”. В этих местах вместо чая готовили отвары с добавлением трав и разных ягод. От такого предложения росомаха слегка замешкался.

– Я ведь здесь никого не знаю, составишь мне компанию, поговорим. Мой больной хоть и идет на поправку семимильными шагами, а все больше молчит и спит все время. Да и по возрасту он мне в отцы годится. Приходи, – приглашала девушка и приветливо смотрела на гончара.

– Приду, – парень раскраснелся и засмутился еще сильнее. – Сегодня вечером.

– “Отлично, – обрадовалась Ольга. – Хоть сегодня не придется ложиться спать с заходом солнца”

Нет, ну конечно у девушки были и другие варианты с кем скоротать вечер, например, с племянником старосты Сомом. Тупым как полено и здоровенным, словно медведь. Тот просто проходу ей не давал. Чуть свет, и чьи-то знакомые, оттопыренные уши уже видны в окне и тень от них падала на половицы у окна, напротив которого стояла кровать целительницы. А иногда покажется в окне и морда росомахи с такими же знакомыми ушками торчком. Так и зайкой стать недолго!

И Зоран Горыныч зачастил к любимому свату с племянником Сомом на пару. И все подозрительно нахваливал его. Что он и добрый, и обходительный, да и вообще мужик крепкий. Сосватать видно вздумал?

Ольга весело улыбнулась.

– Заходи, обязательно, – настояла она и пошла обратно к своей избе.

Вечером гончар Лан пришел в гости и притащил берестяной короб, наполненный разнообразными книгами. Было видно, что он волновался: путал слова.

Ольга совсем забыла, что позвала его в гости: забот за прошедший день у неё было много. Услышав историю об исцелении Боровика, к ней стали приходиться жители деревни росомах и просить помощи. У кого зуб заныл, у кого ломило

ноги. Был один пациент с сифилисом, но этого она сразу послала куда подальше. Такие болячки она не станет лечить. Поэтому забыла, что пригласила Лана и даже воды для чая не вскипятила.

Это ничуть не смутило гостя. Лан вытряхнул из короба книги в кожаных тисненых переплетах, некоторые с золочеными вензелями по корешкам. Такой книжной коллекции позавидовали бы многие антиквары и любители старинных фолиантов.

– Вот думал, что с собой взять и решил, что это то, что надо! – довольно хвастался гость.

Ольга рассмотрела принесенные фолианты в кожаных обложках, с толстой то желтоватой, то немного голубоватой бумагой. Удивительно, откуда у гончара такая коллекция? Здесь были труды по медицине, справочник по болезням и лекарственным травам. Да за такое Пересмысл бы руку отдал.

– А зачем ты все это собираешь, Лан?

– Через книги я могу проникнуть в думы великих философов, что жили века назад, или прочесть о странах, куда никогда не попаду.

– Мечтатель, значит.

– А ты не мечтаешь попасть в другой мир, вырвавшись из оков быта, что как кабала и деньщина заставляют проживать жизнь за брэнной рутинной? Горшки эти, к ляду все это...

– Так я и вырвалась. Вернее, вырвали.

– Не туда ты вырвалась, Хельга.

– Везде хорошо где нас нет, – подвела итог Ольга.

– Наверное.., – согласился парень.

– Нет, ты не понял, это выражение такое, оно значит, что человеку всегда кажется, что где-то в другом месте ему будет лучше, чем сейчас. Правда – это не всегда так.

Так, слово за слово и засиделись они до рассвета. Чтобы не беспокоить больного, перебрались на улицу и сели во дворе на поленницу с кружками горячего отвара или, как его упрямо называла Ольга, чая. Закутались в шерстяные одеяла – ведь несмотря на лето, ночью прохладно. Лан рассказывал Ольге про мироустройство, что сам знал и что прочитал в своих книгах.

Про народы, их религии, особенности и нрав. Сейчас Лан являлся для неё своего рода тверским купцом и средневековым путешественником первооткрывателем – Афанасием Никитиным, который побывал в разных странах и теперь рассказывал о своих путешествиях. Хотя Лан просто много читал.

Ольга узнала о существовании северных демгердов, которые славились своими огненно-рыжими бородами, ростом и были Великими мастерами кузнечного дела и других ремесел. Про довольно надменных аркрумцев, взявшихся обуздать тонкие грани искусства магии, раскрыть и составить витиеватые алхимические формулы и механические схемы. Про южные народы с дальнего и разгоряченного солнцем ма-

терика Фашираз, кожа которых цвета мореного дуба. Фаширазцы поставляющих на продажу кристаллы, дающие возможность использовать магию тем, кого обидела природа.

На следующий день, вечером, Лан снова пришел в гости к Ольге, чему она была очень рада. Мало кто мог рассказать ей столько, сколько знал этот парень. И снова они просидели за разговорами до первых петухов. Боровик иногда крутился неподалеку, слушая чудные рассказы гончара краем уха. Правда надолго его не хватало, и он уходил спать.

Время шло, больной поправлялся, и Ольге уже можно было возвращаться обратно в Липовый дол. Она сняла с раны Боровика швы и, понаблюдав за ним еще пару дней, сказала, что тот может возвращаться домой. Мужик обрадовался, а вот целительница не очень. Так как за это время в Зверином полесье у неё появился, наконец, верный друг и интересный собеседник.

Когда тесть Зорана Горыныча, Боровик, торжественно отбыл к родне на поруки, Ольга посетила лавку гончара Лана. Мастер как раз раскручивал с помощью педали и какого-то механизма большой гончарный круг и придавал форму огромному кувшину. Пол в мастерской земляной. Лан работал, раздевшись по пояс и босиком.

– Здравствуй, Лан, – поздоровалась девушка, зайдя в мастерскую, где было не так светло, как на улице, и пахло сыростью.

– Хельга, здравствуй, – поздоровался парнишка и вытер

пот со лба, перепачкав его красноватой глиной. – Я рад, что ты навестила меня. – Но парень не отрывался от комка глины, постепенно обретавшего форму.

– Больной-то мой выздоровел, теперь я возвратиться, вроде как могу. Вот только думаю здесь остаться. В Липовом доле целитель и так есть, а я здесь больше пригожусь. Что скажешь на это?

Парень заулыбался.

– Нечего и раздумывать – оставайся. Мне всё не скучно и староста, думаю не против будет.

– Ко мне теперь народ идет за лечением. Все в основном переломы, да разные порезы. Спирта не хватает.

Лан остановил гончарный круг.

– А это что такое?

– Как, ты не знаешь? Этиловый спирт. Только вот нужен перегонный куб. Сможешь сделать?

– Гончар вытер руки о бока:

– Нарисуешь? И объяснишь зачем, попробую.

Ольга нашла под ногами плоский и продолговатый камушек и стала рисовать прямо на земляном полу мастерской.

– Нужен вот такой сосуд, чтобы его на огне подогреть можно и змеевик, и ещё один сосуд.

Парень подошел к рисунку, почесал в затылке и сказал:

– Два сосуда я тебе сделаю, а вот змеевик...

– Ну это трубочка, изогнутая спиралью, металлическая.

– Тут кузнец нужен. Хороший кузнец, – сделал вывод Лан.

– Есть у вас такой в Зверином полесье?

– Есть, – посмеялся про себя гончар. – Только вот согласится ли...

– А где его мастерская? Сейчас мы у него и спросим, – решительно сказала целительница.

Гончар указал направо:

– Да вон там, немного поодаль от домов у небольшого пруда. Только ты, Хельга, не ходи к нему. Я сам лучше.

Гончар бросил все дела, надел смятую рубаху и отправился к кузнецу. Ольга осталась ждать в мастерской. Заодно рассмотрела и ассортимент посуды. Нет, конечно не венское стекло, но все же у парня руки из «того места». Кроме необходимой домашней утвари, крынок, кувшинов, тарелок, стояли на полочках и сушились разнообразные вазочки, фигурки, детские свистульки в виде зверушек в женских и мужских одеждах.

Через пятнадцать минут гончар вернулся и расстроено развел руками. После долгих и упорных расспросов Ольги, признался, что увлекся описанием змеевика и случайно обмолвился, что он нужен на одну хитрую штуку, которую он мастерит вместе с Хельгой. Услышав имя девушки, кузнец разозлился и едва не вышвырнул хилого паренька за шкуру прочь из мастерской и сказал, что, если ей нужна какая-то помощь, пусть будет такой же храброй в жизни, как и на словах, и попросит сама. Лан закончил рассказ и замолчал, дожидаясь решения девушки.

– А как звать мастера, Лан?

– Храбр, – ответил гончар и поперхнулся.

Ольга чуть не подпрыгнула от возмущения. Надо же, как судьба распорядилась.

– Свидание, значит захотел! – вслух подумала Ольга, вытерев перепачканные в земле и глине руки о тряпку, которая лежала на одной из полок и решительно направилась к выходу.

Гончар решил не оставлять беззащитную девушку одну и поспешил следом за ней, чтобы, если что, закрыть ее от тяжелых кулаков кузнеца Храбра. Конечно отпор Лан дать не сможет, но все же он должен сделать хоть что-то, если вдруг мастера переклинит, и он решит прибить Хельгу.

Ольга быстро дошла до кузнечной мастерской, влетела в неё, распахнув двери. В ней за верстаком стоял кузнец Храбр в кожаном фартуке и работал над куском металла напильником. Лицо его было красным от жара кузнечной печи. Он даже не поднял взгляда на пришедшую к нему разъяренную фурию. Волосы Ольги вдруг сделались сами собой из розовых фиолетовыми.

– Если у тебя жабры коротки, пригласить девушку на свидание, то не нужно придумывать нелепых отговорок, – бросила Ольга мастеру, который теперь удосужился одарить её своим надменным взглядом.

Однако через минуту надменный взгляд кузнеца сменился улыбкой, и он потянулся к шее, чтобы дернуть за лямки и

снять с себя фартук. Когда ляжки были развязаны, а фартук сам упал на пол мастерской, Ольга поперхнулась и отпрянула подальше.

Под фартуком кузнец оказался совершенно голым.

В этот момент в кузню влетел гончар и хотел было защитить девушку и закрыть её собой, но как только увидел Храбра в чем мать родила, невольно сам спрятался за Ольгу.

– Как ты там говорила, отросток с «мизинчик»? Да я им подковы ковать могу! – взревел Храбр, непонятно от чего торжествуя.

Однако у Ольги тоже дыхание перехватило. Она не была знатоком и целительницей мужских форм и размеров. Да и парень у неё был в жизни всего один – Лео. Но то, что она видела сейчас, не шло ни в какое сравнение с тем, что ей приходилось вообще когда-либо видеть.

Девушка лишь ахнула.

Ольге не нашлось чем ответить на такую провокацию. От увиденного она разом забыла все слова. И это был первый случай в ее жизни. Она просто покраснела и выбежала из кузни на улицу. Внутри все кипело от сильной обиды и от осознания того, что сегодня её впервые втоптали в грязь, и от того, что она впервые проиграла в словесных баталиях. И это она, та, которая могла при помощи пары фраз макнуть любого соперника в бездну его комплексов и прилюдно вытащить его скелеты из шкафа. Но не сейчас, не сегодня и не в этот момент. Ольга спасовала и от этого ей было особенно

обидно и гадко.

Целительница вернулась в мастерскую гончара и, склонившись над бочкой, стоявшей у входа, умылась и тряхнула несколько раз головой, пытаясь выкинуть из головы мысли о нахальном поступке кузнеца. Потом услышала за спиной тихие неуверенные шаги, обернулась и увидела Лана. В руках парень держал две медные трубочки и робко улыбался.

Ольге почувствовалась себя немного неловко. Надо же, застал-таки её в минуту слабости. “Хватит, размазня, соберись!” – приказала она себе мысленно и улыбнулась через силу Лану в ответ. Правда, её щеки все ещё пылали.

– Ну что, Лан, давай вместе постигать азы дистилляции? – произнесла она со лживым задором в голосе.

Увы, задор этот был ловко наигран. Хотя – это не важно, главное отвлечься от грустных мыслей в своей голове.

Остаток вечера друзья провели в мастерской, а затем, и следующие три дня.

Пока гончар Лан работал над сосудами для перегонного куба, Ольга раскулачила старосту Зорана, забрав у него несколько бочонков второсортной браги, ей он периодически расплачивался с мужиками, за ту или иную работу.

Услышав, зачем ей нужна брага в бочках, Зоран засмеялся и поначалу отмахнулся. Но Ольга не шутила и упорно требовала брагу в качестве платы за труд лекаря и спасение Боровика, или же она снова переедет к Иволгам. Услышав такие доводы, Зоран неохотно и тихо сдался. Сначала выкатил из

погреба только один бочонок, но не стерпев упрека, что он низко ценит жизнь своего тестя, выкатил и второй.

– Вот и славно, – радовалась Ольга, поглаживая бочонки с ценным продуктом. И, видимо решив поднять самооценку, подманила к себе пальцем сына старосты Сома. – Ты у нас мужик справный, да пригожий и сильный. Не сможешь ли, красавец, хрупкой, маленькой, девушке отнести эти, без сомнения, очень тяжелые бочонки до гончарной мастерской?

От комплиментов Сом разомлел, особенно по поводу его силы. С легкостью подхватил бочонки, каждый из которых весил чуть меньше, чем сама девушка, подмышки и вприпрыжку помчался вслед за виляющей бедрами Ольгой в сторону мастерской Лана.

Не прошло и пары минут, как бочки с брагой уже оказались у входа в мастерскую. За такое старание Ольга решила наградить силача и ласково взяв его за коричневую косматую бороду, притянула его лицо поближе, чтобы поцеловать в щеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.